

Ван Се с тревогой перебирал в руках четки из семян дерева бодхи. Крупные, размером с личи, бусины мелькали в его широких ладонях с невероятной быстротой, выдавая крайнее беспокойство.

На столе перед ним лежал ряд приглашений, разосланных различным кланам. Сверху красовалось письмо с особой пометкой — оно предназначалось для горы Шанцин.

Сын Ван Се, нынешний глава семьи Ван, стоял у письменного стола с измученным лицом:

— Старик, эта Пещера Призраков появилась на наших землях. Если что-то пойдет не так, нам всем конец. О чем ты еще раздумываешь? Проси о помощи!

Ван Се обернулся и швырнул четки прямо в лицо сыну. Тот осторожно поймал их на лету.

— Думаешь, я сам не хочу этого? — лицо Ван Се покраснело от гнева.

Он зашагал из-за стола, делая резкие, порывистые движения, словно собирался засучить рукава и броситься в драку. Ван Се забрал четки из рук сына и принялся теребить кисточку, будто отмахиваясь от невидимых мух. Чем больше он это делал, тем сильнее раздражался, поэтому в конце концов просто намотал их обратно на запястье, пытаясь унять внутреннюю тревогу.

Он подошел к окну и с горечью произнес:

— Клань объединяются, сплетаясь в единый канат, чтобы противостоять бесконечным полчищам призраков и демонов. Но что такое гора Шанцин? Они не вмешаются, пока не погибнет целый город.

Ван Се прищурился, словно вспоминая страшное прошлое. Он однажды участвовал в поддержке клана, чей город был обречен, и даже сейчас, спустя годы, воспоминания об этом бросали его в дрожь. Пейзаж, скованный льдом на тысячи ли, был прекрасен, но при мысли о том, что именно было заживо погребено под этим льдом, Ван Се мог лишь тяжело вздохнуть.

— Все таланты мира стекаются на гору Шанцин, — с завистью заметил глава семьи Ван.

Тот, кто применил мощнейшее мистическое искусство сковывающего льда, был Небесный мастер Пань, старший ученик главы горы Шанцин.

Обычные люди, изучающие тайные учения, назывались мастерами мистических искусств, но тех, кто передавал кланам глубокие знания, обитателей горы Шанцин, считали избранниками небес, призванными спасать людей. Их почтительно называли Небесными мастерами.

Таланты, избранные небом, не чета обычным людям.

— Даже если они пришлют подмогу, неужели обязательно ждать момента, когда ситуация станет настолько критической? — в голосе главы семьи Ван звучало недоумение.

Ван Се покачал головой:

— На гору Шанцин попадают лишь гении, но мало кто там задерживается. Люди из кланов когда-то сами были учениками Шанцина. Гора уже дала нам оружие для борьбы с кризисами, разве хватит у нас наглости каждый раз заставлять их идти на смертный риск?

Однако ради спасения близких он все же хотел попытаться. Ван Се собрал стопку писем.

— Отправляй, — он передал бумаги сыну.

Когда просьба о помощи была отправлена, Ван Се на мгновение почувствовал облегчение, которое тут же сменилось тревогой. Он надеялся, что Шанцин придет, но в то же время боялся их прибытия. Если они не придут — кризис с Пещерой Призраков может оказаться не таким серьезным, как он опасается. Если же придут — значит, беда действительно неизбежна, как падение рушащегося здания.

Гора Шанцин, величественный пик.

Старый Небесный Мастер поглаживал бороду, сидя на вершине под открытым небом. Перед ним лежало письмо — то самое прошение о помощи от семьи Ван. Сверху на него был положен полый панцирь черепахи с высоким гребнем и свежим узором в виде иероглифа хуэй — явно свежееизготовленный инструмент. Старый мастер не хотел тратить свои привычные, надежные вещи на разовое гадание, поэтому использовал эту подделку.

Глядя на звезды, старый мастер долго размышлял, прислушиваясь к дрожи камней внутри панциря. Ветер на вершине с силой трепал его одежды. Когда камни затихли, стих и ветер. Наступила внезапная тишина.

Старый Небесный Мастер высыпал камни из панциря. Они рассыпались по письму — плоские, круглые, черно-белые, специально предназначенные для гадания инструменты Шанцина. Взглянув на выпавшую гексаграмму, мастер изумился: результат явно превзошел все его ожидания.

Великая удача.

Главы Шанцина редко заканчивали свой путь благополучно. Не потому, что творили зло или шли против небес, просто должность главы занимали люди талантливые, но высокомерные, которые зачастую сами себя губили. Они не боролись с небом, не боролись с людьми, они боролись лишь с самими собой. Желание превзойти самих себя — вещь похвальная, но во всем нужно знать меру.

Ищут смерти, думал старый мастер. У каждого есть предел, за которым человек ломается, и если упрямо биться в стену, однажды уже не сможешь подняться.

Когда его наставник передавал ему пост, он сказал:

— Ты не самый одаренный из моих учеников и не самый сильный. Но твое спокойствие и оптимизм мне очень по душе. Ты не лучший, но ты точно самый подходящий. Шанцину нужен глава, который сможет прожить долгую жизнь и стать опорой.

Слишком много смертей — это нехорошо. Высокомерие гениев делало их жизнь мимолетной, подобно вспышке.

За свою жизнь старый мастер принял много учеников, но большинство из них скончались раньше него. Остались лишь старший ученик Пань Линью и последний, закрытый ученик Чжан Линьфу.

Сам старый мастер тоже прошел через обучение у предыдущих глав, и когда он, подобно своему учителю, познал боль утраты учеников, он все понял. Тот, кто остается в живых, и есть самый подходящий. Он был счастлив, что выбрал первого ученика по своему подобию.

Когда старый мастер заговорил о передаче поста, Пань Линью, привыкший провожать в последний путь одного близкого за другим, яростно замахал руками:

— Учитель, возьмите еще кого-нибудь! Я не справлюсь с этой должностью!

Если все повторится и в школе снова никого не останется, Пань Линью боялся, что сойдет с ума от горя. Видя такое упорство, старый мастер вздохнул и не стал настаивать, приняв в ученики Чжан Линьфу. Как только тот появился, он стал с терпением учить своего наставника и старшего брата.

Старый мастер видел, как хорошо Пань Линью справляется с обучением младшего, и испытывал одновременно радость и тревогу — до чего же тот не хотел становиться главой. Пань Линью был готов скорее умереть, чем принять этот пост.

Зная, насколько тяжела эта ноша, старый мастер стал беспокоиться о том, как бы сделать судьбу одного из двух оставшихся учеников хоть немного легче.

Получив ответ от Старого Небесного Мастера, Ван Се долго молчал, а затем из кабинета раздался яростный вопль:

— Да пошла ты, гора Шанцин!

Раздался грохот опрокинутого стола, из окон повалила пыль. Ван Лян, подошедший к кабинету вместе с главой семьи Ван, глядя на этот хаос, подумал, что дед в своем гневе когда-нибудь разнесет не только стол.

— Дедушка, остыньте, — глава семьи Ван уже прочитал письмо и знал, что в нем написано. Он понимал, какой яростью отреагирует отец, поэтому, прежде чем принести письмо, нашел своего племянника — Ван Ляна. Иначе он бы не осмелился показаться старику на глаза.

Увидев, что сын привел Ван Ляна, Ван Се бросил на него свирепый взгляд:

— Внучек, у нас с главой семьи есть личное дело. Ступай-ка ты обратно.

Глава семьи Ван крепко ухватился за руку Ван Ляна — он не мог позволить племяннику уйти. Ван Лян был единственным, кто мог погасить гнев деда, его единственным щитом!

Мать Ван Ляна была старшей сестрой главы семьи. Ван Лян, которого дядя баловал с самого детства, решил остаться:

— Дедушка, дядя сказал, что это касается меня. Если я останусь послушать, ничего ведь не случится?

Ван Се снова посмотрел на сына, указывая на него пальцем:

— Ты решил продать племянника, чтобы спасти свою шкуру?

Глава семьи Ван выглядел оскорбленным:

— Старик, это вопрос выживания семьи Ван! Если останусь только я, то какая от меня польза? У сестры только один этот драгоценный сын, разве я не люблю его?

Ван Лян поддакнул:

— Дядя очень ко мне добр.

Ван Се, вспомнив прошлое, глубоко вздохнул. Он достал из-под стола письмо и протянул Ван Ляну. Тот прочитал его и понял, почему дед так разгневан. Дело действительно касалось его.

На землях семьи Ван появилась Пещера Призраков. Такие места, где скапливаются нечисть и духи, порождают бесконечные проблемы, и их нужно немедленно уничтожать. Семья Ван, безусловно, обратилась к другим кланам за помощью, но Ван Лян не ожидал, что Шанцин согласится, выдвинув условие.

Гора Шанцин требовала, чтобы Дитя-цилинь семьи Ван поднялся на гору и стал судьбоносной звездой будущего главы, чтобы подавить зловещие черты его гороскопа.

Проще говоря, у каждого человека есть своя удача. Кто-то рожден под счастливой звездой, а кто-то — под несчастливой. Самый распространенный способ гармонизировать судьбу — это брак с тем, чья энергия дополняет твою.

Ван Лян был Дитем-цилинем семьи Ван, самым талантливым потомком. Если бы не этот случай, он бы унаследовал пост главы и повел семью к новым вершинам. Теперь же, если он отправится на гору, чтобы стать чьей-то парой, о карьере главы клана придется забыть. Для женщины это могло бы стать хорошей партией, но для Ван Ляна это означало отказ от собственного будущего, превращение в монаха, лишённого земных желаний.

Ван Се был в ярости, но Ван Лян обратил внимание на другую часть письма. Старый Небесный Мастер писал, что этот союз будет взаимным, так что Ван Лян не останется в проигрыше, и они смогут прожить долгую жизнь вместе.

Сейчас люди жили до ста пятидесяти лет, хотя средняя продолжительность жизни составляла семьдесят пять. Больше всего смертей приходилось на долю обычных людей, попавших в беду, и мастеров мистических искусств, сражающихся со злом. Мастера легко умирали, но трудно жили.

Шанцин выпускал гениев, но гении были подобны метеорам — время от времени на Шанцине случался настоящий метеоритный дождь из смертей.

Ван Лян поднял взгляд от письма:

— Я согласен.

Ван Се вытаращил глаза:

— А я нет!

Радость на лице главы семьи Ван тут же угасла, когда он поймал на себе свирепый взгляд отца.

— Внучек, ты же не любишь мужчин, зачем тебе ввязываться в это супружеское предназначение? — Ван Се метался, как муравей на раскаленной сковороде, пытаясь отговорить Ван Ляна.

Ван Лян налил деду чаю и подал чашку:

— Дедушка, выпей чаю.

Ван Се машинально взял ее, отпил глоток и проворчал:

— Эх, в кого ты такой упрямый? В мать, не иначе!

Вспомнив свою вторую дочь, Ван Се посмотрел на Ван Ляна и почувствовал вину перед ним и его матерью.

Ван Лян мягко сказал:

— Дедушка, чувства можно воспитать, пол — не проблема.

Ван Се поджал губы, все еще не соглашаясь. Глава семьи Ван поспешно достал фотографию:

— Старик, посмотри на фото мастера Чжана. Какой талантливый, какой красавец! Наш мальчик не останется в обиде!

Ван Лян взял фотографию, и они посмотрели на нее вместе. Ван Се покосился на сына — а он ведь припрятал козырь в рукаве! Глава семьи Ван лишь хитро улыбнулся, встретившись взглядом с отцом.

— И правда, выглядит неплохо, — заметил Ван Лян.

На фотографии был виден лишь профиль, а большая часть — со спины, во время поединка на сваях.

Ван Се с сомнением посмотрел на внука:

— Разве тут можно разглядеть лицо?

Хотя осанка была уверенной, а мастерство боевых искусств — несомненным.

— Не урод, — коротко ответил Ван Лян.

Ван Се подумал: ну, до этого ему точно далеко, действительно хорош собой.

<http://bllate.org/book/18582/1789397>